

1 - ИЮЛ 1980

ЗНАКОМЬТЕСЬ!

ВОПРОКИ СТЕРЕОТИПАМ

Как мало нам порой бывает нужно, чтобы составить свое представление о том или ином актере. Две-три роли в чем-то близкие — и портрет готов: этот герой-любовник, тому на роду написано играть злодеев, а третий создан для комических ролей. Но как часто мы заблуждаемся, торопясь втиснуть актера в рамки одного амплуа...

На сцене он появляется почти бегом, скользя на несуществующем паркете фамусовской гостиной. И в первые минуты действия актер почти шокирует нас столь непривычным рисунком хрестоматийной роли. Этот Чацкий слишком молод, — думаем мы. Отчего он так суетлив, порывист. Право же, ему недостает уверенности, сдержанности чувств.

Но совсем немного времени потребуется Виталию Соломину, чтобы убедить даже самого большого скептика в зрительном зале: его знания героя ничуть не меньше наших, а его взгляд на Чацкого также правомочен, как и наш.

Виталий Соломин — сегодняшний Чацкий Малого театра. Герой не в ладу с самим собой. Он понимает умом всю бессмысленность и нелепость своего пребывания в доме Фамусова и своих контактов с фамусовским обществом, но сердцем... Вот эту раздвоенность своего героя прежде всего и играет Виталий Соломин. И такая трактовка образа соответствует не только замыслу постановщиков «Горя от ума» на сцене Малого театра, но и, по мнению многих рецензентов спектакля, замыслу самого Грибоедова.

С Виталием Соломиным, теперь уже заслуженным артистом РСФСР, наше знакомство состоялось задолго до нынешних рижских гастролей Малого театра. Как всегда, сработала «палочка-выручалочка» — кинематограф. В «Женщинах», а потом в «Старшей сестре» Виталий играл чуть-чуть самого себя (герои были его ровесниками), чуть-чуть свое представление о молодом человеке 60-х, чуть-чуть свои

жизненные идеалы. Характеры его первых кинематографических героев были дуплановы: внешнее — и то, что за этим внешним скрывается. Внешне — бравада, даже шутовство, подтрунивание над принципами. А в действительности — уже выработанная жизненная позиция, способность на глубокое чувство и нежелание причинить зло кому-либо. То, что было потом в экранной жизни молодого артиста, вторично. Менялись имена героев, прически и костюмы, сюжетные коллизии, но оставались неизменными характеры, уже однажды сыгранные им.

Кинематограф пока хотел от Виталия Соломина только одного — обаяния молодости, юношеского максимализма...

Но его судьба к нему благоволила. Он попал в Малый театр, сцена которого славится глубокими традициями актерского мастерства. Играть на одной сцене с Бабочкиным, Царевым, Ильинским — уже одно это заставляет молодого актера быть предельно требовательным к себе.

Однако и в театре актера нередко подстерегает опас-

ность остаться в рамках одного амплуа, не успев раскрыть своего актерского «я», своего творческого потенциала. Если в кино Виталий играл своих сверстников, то его сценические герои годились ему самому в пра-прадедушки. Это были персонажи купеческой Москвы из пьес А. Островского. Простоватые, наивные приказчики. Иногда цепкие и по-житейски хитрые. Иногда восторженно влюбленные.

Сейчас, когда уже пятый сезон Виталий выходит на сцену в гриме Чацкого, можно говорить, что, как и всякий актер, он мечтал об этой роли. Но предложение ее было для него все-таки неожиданным. Тем более, что оно последовало от руководившего постановкой народного артиста СССР Михаила Царева — в течение многих лет блистательного Чацкого Малого театра...

Можно гадать о том, почему именно Виталию театр доверил эту сложнейшую и во многом престижную роль. Но очевидно одно: молодой актер сумел преодолеть стереотип образа, уже сложившийся за время большой сценической жизни грибоедовской пьесы и начинав-

ший складываться стереотип восприятия его собственных творческих возможностей.

За время гастролей Малого театра в Риге мы еще дважды открывали для себя «нового» Виталия Соломина.

В «Мамуре» — своеобразном бенефисе народной артистки СССР Гоголевой — у Виталия Соломина роль небольшая, но очень существенная для всего спектакля. Его Франкер — человек обычный, примечательный разве что своей профессиональной цирковой артисткой. Но это лишь на первый взгляд. Ведь он единственный из всех, окружающих героиню, кто способен, как и она, посмеяться над мещанскими принципами, над обывательскими представлениями о жизни, морали, нравственности, чести. Только с ним может быть откровенна и только к нему расположена всем сердцем героиня Елены Гоголевой. Только в ней и в нем есть способность сохранить душевную молодость.

Молодость, азарт, стремительность, жизнь ради минутного наслаждения. Так начинается свою роль Виталий Соломин в шиллеровском «Заговоре Фиеско в Генуе». Но это только начало. А потом — сложнейшая внутренняя борьба с самим собой. И решение, ради реализации которого герой переступит через все, даже самое дорогое — свои республиканские идеалы, мольбы любимой женщины, ее смерть. И все это не ради глотка свободы,

который он может подарить генуэзцам, возглавив их заговор против герцога, а ради власти над ними.

В этой роли Виталий Соломин создает психологически убедительный образ не только за счет резких, мгновенных смен душевного состояния своего героя, нюансированной игры, но и благодаря особой пластике движения на сцене. Словно танцуя, на герцогском балу приближается он к племяннику герцога — его влекут одни лишь придворные радости. Упруго и твердо идет он на встречу республиканцам, чтобы объявить им о своем намерении узурпировать власть. Что-то вкрадчивое, лисье мелькает в его движениях, когда он отдаёт поручения мавру — единственному, кто знает о его тайных намерениях. Тяжело, сутулясь, как старик подволакивая ноги, отходит Фиеско от трупа своей жены — теперь уже нет повода отказаться от задуманного, и власть, это тяжкое бремя, он примет на свои плечи...

Актерский диапазон — это не только склонность к различным драматургическим жанрам, хотя в этом смысле можно уверенно утверждать, что Виталий Соломин в равной степени убедителен и в комедии, и в драме. Для молодого актера Малого театра характерно еще одно свойство, открывшееся нам во время рижских гастролей. Франкер и Фиеско. Первый — характер статичный. И Соломин играет не собственный характер, а состояние героя, причем в проекции на его будущую судьбу. Фиеско — это сплошная динамика образа. В коротких временных рамках на наших глазах развивается характер меж двух экстремальных позиций: от истинного душевного взлета — до полного душевного одряхления.

...В последний раз опустился занавес. Гастроли закончились. Мы расстаемся с Малым театром в надежде на будущие встречи, которые не только подтвердят неувядающее мастерство его корифеев, но и откроют нам с совершенно новой стороны тех, кому продолжать традиции старшей русской сцены.

И. МЕДВЕЦКАЯ.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля Малого театра «Мамуре». Селина Муре — народная артистка СССР Е. Гоголева, Франкер — заслуженный артист РСФСР В. Соломин.
Фото Г. ГЛАДШТЕЙНА

